

DOI 10.15393/j10.art.2018.3561

Константин Абрекович Баршт*доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник**Отдела новой русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)*

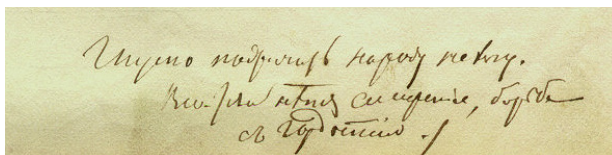
konstantin_barshat@pushdom.ru

**«ГНУСНО ПОДРАЖАТЬ НАРОДУ НЕ ХОЧУ».
ОБ ОДНОЙ ДВУСМЫСЛЕННОЙ ФРАЗЕ
ИЗ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ К РОМАНУ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Аннотация. В статье анализируется фраза из подготовительных материалов к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», опубликованная в седьмом томе Полного собрания сочинений в 30 т.: «Гнусно подражать народу не хочу» (реплика главного героя произведения Родиона Раскольников). Для доказательства тезиса, что в таком виде фраза выглядит как идеологически противоречащая всем другим текстам писателя, включая и окончательную версию романа, привлекается ряд трактовок текстовой двусмысленности в лингвистическом и литературоведческом аспектах. Приводятся доказательства того, что черновая запись писателя имеет иную текстологическую природу, чем печатный текст произведения: в ней могут содержаться пропуски знаков пунктуации, букв и слов, что является не ошибкой, а естественной частью избранного автором формата автокоммуникации — быстрой записи в сокращенной мнемонической форме задуманных художественных идей. Делается вывод об ошибочности воспроизведения этой фразы в вышеуказанном издании и необходимости читать ее в одном из двух вариантов: «Гнусно / подражать народу не хочу» и «Гнусно подражать народу / не хочу» (знаком «/» отмечено место, где при печатном воспроизведении фразы должна находиться запятая, точка или точка с запятой).

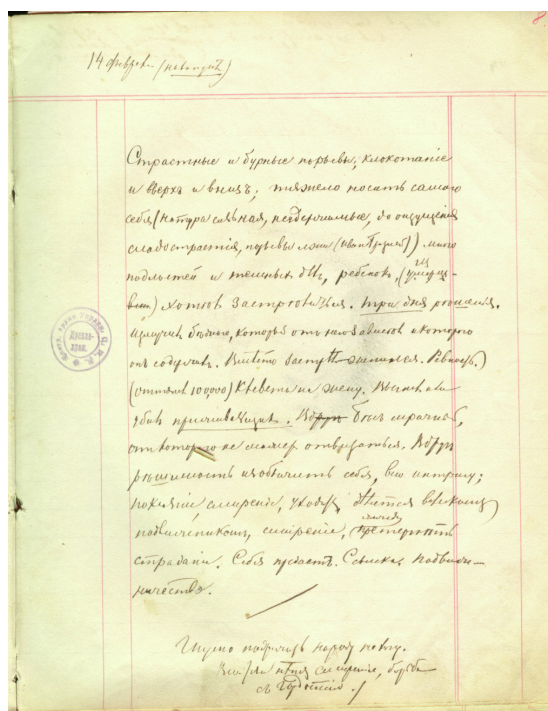
Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», двусмысленность, текстологические свойства черновика, мнемоническая запись, автокоммуникация

В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание», опубликованных в седьмом томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Л., 1973), содержится фраза: «Гнусно подражать народу не хочу». Все-таки нет смирения, борьба с гордостью!»; Л. Д. Опульская, подготовившая эти материалы, кавычками выделила реплику (мысль или внутреннюю речь) Родиона Раскольникова.

Илл. 1

Следует отметить, что этот текст расположен внизу страницы «тетради № 3» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 8) в виде отдельной добавочной записи непосредственно после большого текстового фрагмента, написанного на одном дыхании. Запись эта традиционно публикуется в составе черновых рукописей этого произведения, но, вероятно, связана и с другими замыслами писателя, — в частности, с задуманным в эти годы романом «Житие великого грешника», одну из версий фабульной основы которого формирует данный текст, внесенный в тетрадь, согласно авторской дате, 14 февраля [1866 года]: «Страстные и бурные порывы, клокотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя (натура сильная, неуправляемая, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (NB умерщ[влен]), хотел застрелиться. Три дня решался. Измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал. Вместо застрелиться — жениться. Ревность. (Оттягал 100 000.) Клевета на жену. Выгнал или убил приживальщика. [Вдруг] бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предаёт. Ссылка. Подвижничество» (7, 156).

Илл. 2.

* Здесь и далее в цитатах в квадратные скобки заключен текст, зачеркнутый Ф. М. Достоевским.

Необходимо отметить пространственное расположение в тетради данной 8-й страницы с анализируемыми записями. Она находится между страницами с двумя портретными рисунками (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 7 и 9), с помощью которых писатель производил физиономический анализ свойств описанной «страстной и бурной» натуры, в равной степени относящейся и к герою «Преступления и наказания» Раскольникову, и к «юродивому присяжному поверенному», главному герою задуманного им в этот период и неосуществленного романа «Житие великого грешника»². Обращает на себя внимание физиономическое сходство одного из этих портретов с известным писателю московским юродивым Яковом Петровичем Корейшей [Баршт: 170, 174]. Страстное и бескомпромиссное искание правды суть общее между протагонистами «Преступления и наказания» и задуманного в эти же годы «Жития великого грешника».

Следует также заметить, что на ранних этапах работы над новым произведением писатель нередко отталкивался от только что созданного им художественного мира, модифицируя характерные черты законченного образа с помощью добавления новых идеологических концептов или программ жизнеустройства. Так, не укладывающаяся ни в какие привычные рамки требовательная, бескомпромиссная и не считавшаяся ни с какими общественными нормами натура Родиона Раскольникова преобразовалась в работе над «Житием великого грешника» в «юродство» протагониста этого произведения, «доброе и благороднейшего человека», «благодетеля многих», постоянно подвергающегося незаслуженным обвинениям, который всех мирит и кормит (9, 114), заставляя вспомнить проект Родиона Раскольникова «стать Гасом» после окончания его наполеоновского проекта (7, 80). Герой «Жития великого грешника» в какой-то степени есть продолжение «Преступления и наказания», описывающего жизненный путь спасенного Соней и ставшего на путь христианского исправления Раскольникова. Дальнейший путь этого типа характера на иной фабульной основе представлен в романе «Идиот»: князь Мышкин реализует многое из того, что было намечено Достоевским в «юродивом присяжном поверенном». Что же касается сформулированной на с. 8 «страстной» натуры с «неудержимой» волей и «клокотанием и вверх и вниз», то в романе «Идиот» эти свойства унаследовал Парфен Рогожин, антипод блаженного князя Мышкина.

Анализируемая нами запись расположена в промежуточном пространстве между портретами, на которых сделаны графические эскизы обоих «лиц идеи» морального перфекциониста: юродивого «присяжного поверенного» и обладателя «страстного» характера, которому «тяжело носить себя». Запись со всей очевидностью относится к периоду создания романа «Преступление и наказание», не противореча ни характеру описанной на странице «страстной» натуры, ни характеру Родиона Раскольникова, в равной степени склонного и к совершению преступления, и к подвигу самопожертвования.

Смысл изучаемой нами фразы, в зависимости от постановки в ней знаков пунктуации, распадается на два противоположных варианта: 1) автореферентное перформативное высказывание, фиксирующее внутреннее состояние героя — огорчение при мысли о возможной потере самостоятельности в свободе выбора, о необходимости «подражать» своими поступками. В этом случае фраза приобретает вид: «Гнусно, подражать народу не хочу» — с акцентом на отвращении к обывательским жизненным ценностям, подражание которым рассматривается как особенно неприемлемое решение; или с декларацией ценности личной свободы: «Гнусно подражать народу, не хочу»; 2) противоположный смысл, в котором протагонист из протестанта и гордеца обращается в вялого уступчивого конформиста, согласного все же «подражать народу», но при условии, что это все же будет осуществляться в не столь отвратительно пошлой форме: «Гнусно подражать народу не хочу» («не хочу подражать народу» как? — «гнусно»).

Другими словами, в семантике, заявленной в седьмом томе Полного собрания сочинений, характер персонажа меняется настолько существенно, что буквально обрушивает всю систему его идеологических мотивировок: намерение Раскольникова попробовать себя в роли «наполеона» и в качестве первого шага к овладению миром убить старуху-процентщицу выглядит, прямо скажем, парадоксально. В этом втором смысле, противоречащем указанному во второй части фразы «отсутствию смирения» и заявленной «борьбе с гордостью», протагонист романа Достоевского неожиданным образом соглашается с толпой, надеясь, что «подражание народу» все же возможно, — правда, отказывается делать это «гнусно», предпочитая совершать это каким-то иным, альтернативным образом.

Возникает вопрос: что имел в виду Достоевский? отказывается ли на самом деле Раскольников «подражать народу» (и что такое в его представлении «народ» — не в почвеннической ли идеологической перспективе Достоевского?) или, напротив, склоняется к такого рода подражанию, выработывая в себе модель «не гнусного», облагороженного подражания, каким-то неведомым образом способного сочетаться с «наполеоновской» системой ценностей? Налицо двусмысленность, преодоление которой — одна из главных задач текстологии, направленной на точное непротиворечивое воспроизведение рукописей писателя.

В нашей работе не ставится целью исследование феномена двусмысленности как такового, имеющего большую традицию изучения в самых различных аспектах, включая и литературоведческий³. В изучении данного конкретного случая необходимо также учитывать, что речь идет о фразе из черновых записей Достоевского, т. е. акте творческой автокоммуникации, в котором отсутствует необходимость обычного для бытовой речи высокого уровня семиотической избыточности. Черновик такого рода по своей семантической структуре близок к «внутренней речи», которая, согласно концепции Л. С. Выготского, суть «максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь. Письменная речь есть максимально развернутая,

формально более законченная, чем устная. В ней нет эллипсов. Внутренняя речь полна ими» [Выготский: 239]. Подготовительные материалы к роману, которыми заполнял писатель свои рабочие тетради, типологически находятся между окончательной формой готового произведения писателя и процессом автокоммуникации, творческого размышления, отражением которого они являются. Давно замечено, что черновые записи Достоевского в его «тетрадах» чрезвычайно близки к стенограмме, сокращены и полны эллипсов, максимально приближены к его «внутренней речи», которая, как указывает Н. С. Валгина, «не может быть литературно гладкой, с эксплицитно представленными синтаксическими связями. Это противоречит самой сути ее. Внутренняя речь как действительный поток сознания полна алогизмов, смысловых нестыковок, повторов и пропусков, мгновенных переходов от одного объекта мысли к другому, ей свойственна прерывистость и непоследовательность. Такая речь без дополнительных средств передачи смысла не может быть воспроизведена на письме» [Валгина: 250]. К числу этих «средств», разумеется, относятся и знаки препинания.

Отсутствие в нужном месте знака препинания может обратиться в тяжелую проблему. Классическим примером такого рода является фраза: «Казнить нельзя помиловать», где от постановки запятой зависит смысл, диаметрально меняющийся в альтернативном случае. Ситуация двусмысленности — возникновения фразы, которую можно понимать одновременно в двух различных значениях («дилогии» или «амфиболии» [Ахманова: 123]) — достаточно хорошо изучена в филологической науке. О. А. Лаптева выделяет две основные разновидности двусмысленности: 1) частичную, разрешимую в контексте; 2) полную, не снимаемую языковыми средствами. Переводя проблему в область рецепции, А. Киклевич указывает на различия между симультанной и сукцессивной двусмысленностями, которые определяются качеством восприятия того или иного реципиента⁴. Другим способом классификации может служить нормативность или ненормативность языковых средств, формирующих двусмысленную фразу; в случае сознательного применения дилогии как стилистического приема, автор преднамеренно формирует фигуру речи, в которой заключена двусмысленность, возникающая за счет использования контекста или многозначных слов [Москвин: 50]. В случае полисемической дилогии может образовываться феномен «мерцания» двух равноправных значений, каждое из которых опровергается сопутствующим альтернативным. А. П. Чехов в письме Н. А. Хлопову от 13 февраля 1888 г. назвал знаки препинания «нотами при чтении»⁵. Письменный текст без знаков препинания можно также сравнить с компасом без стрелки — настолько труден и запутан он при этом становится. Примеров этому можно привести множество. Хрестоматийным стал случай с отсутствующими знаками препинания в строфе стихотворения А. С. Пушкина «Редет облаков летучая гряда»:

«И дева юная во сне тебя искала

И именем своим подругам называла»⁶.

Освещая эту проблему, Д. С. Лихачев писал: «Как быть в сомнительных случаях с расстановкой знаков препинания? Я имею в виду те случаи, где можно расставить по-разному знаки препинания и в зависимости от расстановки меняется смысл текста. Многие из современных издателей рекомендуют в этих случаях вовсе не ставить знаков препинания, предоставляя это сделать будущим исследователям текста. Я думаю, что это не совсем правильно, и вот с какой точки зрения: будущий исследователь может и не обратить внимания на двусмысленность текста, принять произвольно ту или иную расстановку знаков препинания, сочтя отсутствие их простой небрежностью издателей». Исходя из этого, нужно «не довольствоваться “полусмыслом” или “полупониманием” текста — это полупонимание текста наиболее опасно с точки зрения возможностей “ошибок осмысления”» [Лихачев: 510].

Языковые ситуации такого рода детально проанализированы в диссертации М. А. Южанниковой, которая приводит пример из научной статьи, когда отсутствие / присутствие запятой кардинально меняет смысл предложения: «партизанить — “летать, не пользуясь радиосвязью<, > на высоте ниже 300 м.” (авиа)», — где отсутствие второй запятой может быть расценено либо как ошибка, либо как указание на отказ от использования радиосвязи на высотах ниже 300 метров [Южанникова: 67]. Каждый раз, когда мы встречаемся с такими несовершенствами текста, как, например, отсутствующая запятая или орфографическая ошибка, возникает сомнение: оставить как есть, канонизировав авторскую волю в том виде, в каком она формально представлена в тексте, или попытаться сделать исправление согласно видимому смыслу? Ведь при исправлении существует опасность уподобиться переписчику, который, «заметив опisku в оригинале, стремится ее исправить и исправляет часто неверно, иногда даже не то слово, в котором произошла ошибка, придавая новый смысл испорченному пассажиру» [Лихачев: 24]. На ошибки, возникающие при отсутствующей или неверно поставленной запятой, приводящие к “разрушению смысла” и обращению фразы в “нелепую”, указывает также коллективная монография группы текстологов Петрозаводского университета [Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского: 102].

С другой стороны, Н. В. Перцов и И. А. Пильщиков обращают наше внимание на ситуацию, в которой двусмысленность не может быть преодолена без нарушения авторской воли, более того — двусмысленность входит в художественный замысел или, по крайней мере, ему не противоречит. Речь идет о двух строках из пушкинского стихотворения «К живописцу»: «Надежды робкия черты», о которых ранее писал и В. Э. Вацуро [Вацуро: 260] (см. также: [Шапир, 2000: 240]). Н. В. Перцов и И. А. Пильщиков указывают, что эту строку можно понимать двояко: «не то “черты робкой надежды”, не то “робкие черты надежды”». При этом М. А. Цявловский в первом академическом издании Пушкина выбрал первую версию⁷, а В. Э. Вацуро в новом

академическом издании 1999 г. предпочел вторую, а первую вынес в комментарий⁸. Однако, по мнению авторов статьи, и то и другое решение ошибочно: «...в Пушкинской орфографии обсуждаемый стих неоднозначен, а модернизированное правописание навязывает ему единственное — безальтернативное — прочтение» [Перцов, Пильщиков: 20–21]. Другими словами, попытка преодоления такого рода неопределенности уничтожает метафору, скрывающуюся за мнимой двусмысленностью. Авторы приводят ряд аналогичных примеров, в частности из пушкинского «Кавказского пленника»⁹, и делают вывод: «В контекстах такого рода двусмысленность неразрешима: она объективно заключается в тексте и потому должна быть сохранена» [Шапир, 2001: 51], [Пильщиков: 331–333].

В описанных случаях речь идет о двусмысленности, работающей на уровне тропа — своего рода «фигуры переосмысления», по М. Л. Гаспарову, — в окончательном тексте произведения, в случае, когда и первый, и второй смыслы в равной степени приемлемы для верного понимания текста, варьируя различные оттенки художественного смысла. В данном случае речь идет о черновой записи, со всей очевидностью далекой от задач метафорики, записи, строго и точно указывающей на одно из важных свойств характера героя, в котором один из смыслов соответствует известным по иным источникам идеологии произведения и доказанному типу его характера, а другой категорически ему противоречит.

Попытка сбросить авторскую волю, сохраняя непреодолимое противоречие, зафиксированное отсутствующей запятой, есть путь, ведущий, фактически, в прямо противоположную сторону — к нарушению авторской воли. Речь здесь идет не о действии авторской воли как феномене права, но о конкретной фразе, которая получила в данном тексте верную, соответствующую мысли писателя, или неверную, не соответствующую его мысли, форму. Согласно мнению Д. С. Лихачева, в своей работе текстолог, помимо исполнения ряда определенных процедур и следования «принципам», должен руководствоваться также здравым смыслом, направленным на то, чтобы максимально точно донести значения слов письменного источника [Лихачев: 14–15]. Особенно важна и ответственная работа текстолога при «изучении смысловой стороны текста», когда речь идет о «разночтениях» [Лихачев: 22], при этом «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста» [Лихачев: 26]. Д. С. Лихачев писал: «Замысел и воля автора к воплощению этого замысла должны изучаться текстологом во всей их конкретной истории, во всей их сложности и в их меняющихся отношениях с текстами. <...> Считаться с волей и замыслом автора — значит понимать их, понимать намерения автора, на чем эти намерения зиждутся, их “происхождение” в широком смысле этого слова. Это требует от исследователя внутренней терпимости, умения временно становиться на точку зрения изучаемого автора, вникать в представления эпохи и т. д.» [Лихачев: 571].

Эти «представления эпохи», которые подчас приводили к резкому изменению смысла при отсутствующей в правильной позиции запятой были предметом особого внимания и со стороны С. А. Рейсера [Рейсер: 9–11]. Анализируя причины, по которым возникали подобного рода явления, он пишет: «Большинство писателей XVIII–XIX и XX вв. относились к расстановке знаков препинания совершенно равнодушно, перелагая эту работу на корректоров и спокойно принимая проведенную ими правку», «некоторые вообще обходились почти без всяких знаков препинания» [Рейсер: 51–52]¹⁰. Причиной этого, указывает А. Б. Шапиро, было отсутствие уверенности в том, что знаки препинания играют какую-либо роль в образовании смысла; примером этому могут быть известные случаи небрежного отношения к пунктуации со стороны В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева и др. писателей и поэтов [Шапиро, 1955: 26–27]. Это касается самых разных авторов литераторов XIX в., вероятно, то же самое относится и к Достоевскому, который не слишком большое внимание обращал не только на пунктуацию в своей черновой скорописи, но и на орфографию. Написанные торопливым, едва читаемым почерком строки, конечно, не «стенограмма» А. Г. Достоевской, но они остаются при этом столь же незаконченным и не откорректированным текстом, назначение которого — фиксация процесса творческой автокоммуникации. Работая над романом, рождая новые и новые идеи, Достоевский наскоро, не дописывая и пропуская слова, фиксировал свои «зачатия художественных идей», подготовительные материалы к будущему роману. В результате возникали страницы его «записных тетрадей», заполненные хаотически расположенными строчками, которые перемежаются идеограммами, рисунками и условными значками. Однако из того, что поэты и прозаики с пунктуацией часто не считаются, «не следует, делать чрезмерно нигилистические выводы, — пишет С. А. Рейсер. — Независимо от действий писателя в этой области текстолог обязан восполнить пунктуационные лакуны, а где надо, привести текст в ясность и даже реконструировать его» [Рейсер: 58]. Неслучайно описанию технологии такого рода реконструкции авторского текста с помощью изучения семантики входящих в него слов, с целью уточнения их внутритекстового значения, посвящена глава «Исследование авторского текста» книги Д. С. Лихачева [Лихачев: 280–346].

Этой же позиции придерживается и А. Б. Шапиро: «Самая природа пунктуации такова, что ее нормами могут быть предусмотрены только основные, наиболее типичные языковые конструкции; во всех же случаях, которые прямо не подходят под сформулированные правила, пишущий должен самостоятельно применять последние в зависимости от того, какими ему представляются членение его текста и смысловые отношения между расчлененными его отрезками» [Шапиро, 1956: 38]. В связи с этим вырисовывается правильная текстологическая перспектива: при работе с черновыми рукописями писателя исходить не только из проставленных

автором запятых, базируя на них смысл, но и, анализируя смысл записей, выставлять запятые, которые этот смысл проясняют: «Понятие об авторской воле в отношении текста никак нельзя механически переносить на знаки препинания. Они составляют, конечно, часть текста, но часть все-таки особого рода. Текстологу предстоит в каждом отдельном случае, изучив систему пунктуации конкретного автора, решить вопрос о степени выраженности в данном тексте его воли» [Рейсер: 61].

О необходимости донести до читателя смысл текста, исправляя в нем неясности и ошибки, ранее писал Б. В. Томашевский. Согласно его мнению, задачей текстолога является именно «разыскание и установление ошибок документа» [Томашевский, 1959: 162]. Томашевский отмечал, что текстолог обязан глубоко и адекватно понять текст, прежде чем его воспроизводить: «Литературовед не может быть не текстологом, то есть лицом, не умеющим разобраться в тексте. Равно и текстолог явится в весьма жалком виде, если он не будет литературоведом, то есть не сумеет разобраться в смысле изучаемого и издаваемого текста» [Томашевский, 1934: 413]. В случае нахождения такого рода ошибок возникает необходимость дополнения ее исходной формы знаками, приводящими текст в правильное состояние. Возникает проблема возможности и необходимости конъектур, которая С. М. Бонди была решена положительно. Предлагая текстологу «все понять в рукописи, осмыслить ее форму», он утверждал необходимость исправлений как основу практической работы текстолога, считая необходимым «как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении». «Это понимание, — отмечал исследователь, — легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного второпях автором» [Бонди: 165].

«Всякое письменное произведение нуждается прежде всего в прочтении, в уяснении его смысла», — подчеркивал Д. С. Лихачев [Лихачев: 371]. Такого рода работу он называл «логически-смысловым анализом», задачей которого является устранение ошибок, связанных с неточностью текста, себе самому противоречащего: «В некоторых случаях логически-смысловой анализ является единственным средством установить вставку в текст, разрыв изложения, соединение разных источников, переделку и т. д.» [Лихачев: 380]. Применительно к тексту черновой рукописи писателя XIX в. это означает сопоставление изучаемого фрагмента текста со всеми текстами, которые были созданы в процессе работы автора над данным замыслом. В нашем случае — это текст романа «Преступление и наказание» плюс максимально полный корпус всех записей Достоевского, сделанных им в процессе написания этого произведения, т. е. все подготовительные материалы и иные автографы писателя. Таково требование научной полноты. Такого рода работа приводит к успеху лишь в случае дополнения ее «историческим подходом», изучением контекста в максимально приемлемых размерах. Это «уяснение смысла» не может проходить в отрыве от контекста. В своей

книге Д. С. Лихачев большое внимание уделяет «ошибкам осмысления текста», которые совершаются редактором или корректором: «Их делает также иногда сам текстолог <...>. Ошибки осмысления особенно трудно заметить, и они наносят наибольший ущерб изданию, изменяя содержание текста» [Лихачев: 433]. Мы же хотим остановиться на ошибке противоположного рода — *недоосмыслении текста*. Примером такого рода является фраза из записной тетради, относящаяся к формированию идеологии Родиона Раскольникова, главного героя романа «Преступление и наказание».

Обратимся к семантике слов, составляющих исследуемую фразу, рассматривая их в контексте творчества Достоевского в период создания романа «Преступление и наказание». Значение слова «народ», присущее нарративу «Преступления и наказания», в подавляющем числе случаев ассоциируется со смыслом «публика» или группа людей (прохожих или гостей), сбивающихся в «кучку» (6; 75, 92, 111, 132, 135, 136, 251, 294, 328, 357, 406), (7; 15, 43); такого рода словоупотребление иногда сопровождается у Достоевского подчеркивающими это значение ироническими эпитетами («глашатаи», «философы», «ученые») (7, 23), определяется их роль как зевак (7; 85, 91), случайных посетителей распивочной (7, 98), жильцов «номеров», естественным образом образующих всякого рода безобразия — «содом» при своем скоплении (7, 106) или в прямом значении неуправляемой или управляемой инстинктами «толпы» (6; 8, 11, 70, 122, 132, 370), (7; 215, 216). В единичных случаях слово «народ» в «Преступлении и наказании» употребляется также в значении: группа людей, исповедующих какую-либо политическую доктрину, например, «социализм» (7, 161), или выступающих в роли представителей какого-либо анклава (6; 211, 277), членами которого могут оказаться «пьяницы» или «подлецы» (6; 356, 384, 390). Эта картина дополняется также исполненными сарказма формулами типа: «Народ не народный», где звучит раскольниковская мысль о низости интересов большинства людей, сосредоточенных отнюдь не на философско-нравственных вопросах и намерении спасти мир от зла (7, 160). Лишь в одном случае, среди черновых записей к роману, возникает значение, приближающееся к идеологическому концепту «почвенничества» — в значении «христов народ» (в словах Сони Мармеладовой), т. е. люди, страдающие вместе с Христом и готовые принять на себя страдание за чужие грехи (7, 134).

Во множестве эпизодов романа зафиксировано, что Раскольников боится «народа», сторонится его, относится к нему с отвращением и страхом: «Он вошел на Сенную. Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу. Он бы дал всё на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один. В толпе безобразничал один пьяный: ему всё хотелось плясать, но он всё валился на сторону» (6, 405). Но и после того, как Раскольников поклонился «народу» на площади и признался в убийстве процентщицы, после того, как он принимает страдание и идет на каторгу,

это отношение не исчезает, более того — получает взаимность. В остроге его «не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее» (6, 418). Из этого можно сделать вывод, что семантическая конструкция данного элемента идеологии «Преступления и наказания» следующая: Раскольников презирает «народ», погруженный в «низости», не в состоянии «примириться» с ним, однако Соня с помощью христианской проповеди склоняет его к покаянию, когда он «ломает» свою гордость и пытается раскаяться в преступлении. Основная коллизия разрешения противоречия «гордость / смирение» в рукописях обозначена следующим образом: «Главное NB. Он говорит: царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость. Сообщает Соне свое презрение к людям. Из гордости не хочет. Спорит с нею. О, я не могу примириться с ними. Наконец примиряется со всеми. Видение Христа. Прощения просит у народа. Гордость. Идет. Соня и любовь к ней сломали» (7, 135).

Что касается «смирения», этим свойством в «Преступлении и наказании» отмечены персонажи иного, сравнительно с Раскольниковым, характера. Мармеладов, «не с презрением, а со смирением» принимающий издевательские усмешки, которыми снабжают его пьяные откровения «мальчишки за стойкой» в распивочной (6, 14), (7, 102), далее «со смирением» он ползает перед женой на коленях, когда она таскает его за волосы (6, 24). Другой персонаж «Преступления и наказания», отмеченный «смирением», — это Лизавета, «высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка», которая находится в рабстве у своей сестры Алены Ивановны, «трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои», «смиренная и пугливая» (6; 51, 52), в подготовительных материалах о ее смирении говорит также Настасья (7, 71). Третий персонаж, к которому относится эта характеристика, — Соня Мармеладова, в своем «расфранченном» наряде проститутки «смирненно» ожидающая «своей очереди проститься с умирающим отцом» (6, 145). В записях к роману был намечен также эпизод встречи Раскольникова с Соней на панихиде по Мармеладову, где она названа «смиренной», — правда, под впечатлением от этой встречи Раскольников вовсе не проникается «смирением», напротив — им овладевает «бесовская гордость» (7, 147). В рукописях к роману отмечено такое же свойство характера «хозяйкиной дочери», которая «такая приниженная, смиренная, об монастыре мечтала и залилась раз слезами, когда мне об этом рассказывала» (7, 175). К названным персонажам можно прибавить еще одно лицо — арестанта, о котором рассказывает Порфирий Петрович: для того, чтобы принять страдание, «пострадать», он вышел из обычного для него состояния «смирения» и бросил в начальника кирпич (6, 348).

Раскольников же (что многократно зафиксировано в тексте «Преступления и наказания» и в рукописях к роману) отказывается «жить как все»,

ненавидит «рутину», презирает представителей «золотой середины», пугается перспективы наезженной жизненной колеи, говоря: «Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет переворачивали. Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны...» (7, 144). Обратим особое внимание на отрицание «не хочу», совпадающее с частью исследуемой фразы, в данном случае выделенное точкой и образовавшее предложение, со всей очевидностью параллельное тому же значению и словесной форме в исследуемой фразе.

Дискуссия о принципиально несмирительном характере Раскольниковова занимает значительную часть диалогов между ним и Соней Мармеладовой. Оспаривая принципиальное отсутствие какого-либо смирения в характере Раскольниковова, Соня доказывает ему, что можно «быть великим и в смирении» (7, 134). С ее помощью Раскольников начинает бороться со своей гордостью и презрением к «народу», однако никак не может согласиться с пошлостью обыденной жизни, подражанием социальным моделям, в которых он должен следовать по накатанной колее, ведущей к успешной социализации и благосостоянию. После слов: «Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, — то есть был в том некоторое время уверен. Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный» (6, 378) — в журнальной редакции романа следовало: «Он бесится теперь, что вышло не так, что вышло как будто бы подражание» (7, 294). Из всего этого следует, что «подражание народу» — жупел для Раскольниковова. Он отвращен от этой идеи всем строем своей идеологии, замешенной на его исключительности, ведущей либо к «наполеону», либо к «Гасу», но совершенно точно ни в коем случае не к согласию с какой-либо накатанной колеей, более отвечающей добродетелям Лужина, Лебезятникова и других персонажей-пошляков в романе «Преступление и наказание».

Совершенно ясно, что не может существовать возражений против самого феномена многозначности слова или фразы в художественном тексте; метафорика, строй поэтического языка писателя основаны именно на такого рода семантических связях, предполагающих внесение добавочных смыслов в некое базовое словарное значение, актуализацию того или иного аспекта факта или явления (см. об этом: [Женетт: 355]). Однако в случаях, когда возникают несколько значений, противоречащих не только друг другу в пределах одного слова или одной фразы, но и основному смыслу того концепта, который хорошо понятен по множеству иных описаний и дефиниций в том же тексте, нужно попытаться осознать возможность ошибки в прочтении. Пример такого рода обнаруживается в подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание», где многозначность фразы оказалась порожденной простым отсутствием необходимости в расстановке знаков препинания в тексте, который писался наскоро, эллиптически, на уровне мнемонической записи, понятной в рамках автокоммуникации в самом сжатом и сокращенном виде. Подобного рода неясности

могут возникнуть как следствие экономии времени и усилий при записи скорописного черновика, однако при подготовке печатного воспроизведения нас безусловно должна интересовать не только внешняя форма записи, но и смысл, вкладываемый в нее автором. В данном случае он соответствует общей доминанте «гордости» в характере Родиона Раскольникова, выраженной в формулировке «не хочу» (7, 144). Таким образом, смысловое значение фразы, в том виде, в каком она формировалась в сознании писателя как описание мотива поведения Раскольникова, видимо, колебалось между двумя вариантами: «Гнусно / подражать народу не хочу» и «Гнусно подражать народу / не хочу», где знаком «/» помечено место, где должна находиться запятая, точка или точка с запятой.**

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 7. С. 158. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- 2 Указано В. Н. Захаровым.
- 3 Краткий обзор литературы по теме см.: [Южанникова: 4–6].
- 4 «...когда семантическая двуплановость характеризует понимание сообщения одним и тем же субъектом» [Киклевич: 44].
- 5 Чехов А. П. Письмо Хлопову Н. А. от 13 февраля 1888 г. // Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 200. Современники подтверждают: «...да вообще вряд ли какой-нибудь русский писатель вполне владеет знаками препинания. Ну, да у них там в редакциях есть такие люди, которые заведуют этой стороною» [Луканина: 45].
- 6 См. об этом: [Абакумов: 7], [Валгина: 155].
- 7 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 174.
- 8 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 162, 671.
- 9 Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 91, 114.
- 10 Следует отметить, что Достоевский достаточно внимательно относился к своей корректуре, начиная с первого романа «Бедные люди» и кончая «Братьями Карамазовыми» (281; 114, 155), (282; 101, 108), (291; 285, 308, 316 и др.), но это правило, разумеется, не распространялось на его черновые записи, выполненные, в большинстве случаев, достаточно небрежно.

** Публикуя статью К. А. Баршта, редакция журнала тем не менее отмечает, что, с нашей точки зрения, предлагаемые исследователем знаки пунктуации излишни:

*Гнусно подражать народу не хочу.
Все-таки нѣтъ смиренія, борьба съ гордостію.*

Текст ясен и без дополнительной пунктуации: не хочу гнусно подражать народу. А подражать «негнусно» герою мешают отсутствие смирения, гордость (или «борьба с гордостью»). — *Ред.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов С. И. Методика пунктуации. — М.: УЧПЕДГИЗ, 1954. — 120 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 576 с.
3. Баршт К. А. Рисунки и каллиграфия Ф. М. Достоевского. От изображения к слову. — Бергамо: Lemma-Press, 2016. — 452 с.
4. Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1978. — С. 143–190.
5. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. — М.: Высшая школа, 2004. — 259 с.
6. Вацуро В. Э. Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 3 (37). — С. 253–266.
7. Выготский Л. С. Мысль и слово // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. / гл. ред. А. В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.
8. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 470 с.
9. Киклевич А. Парасемия // Русская речь. — 2008. — № 1. — С. 43–45.
10. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). — СПб.: Алетейя, 2001. — 758 с.
11. Луканина А. Н.] Мое знакомство с Тургеневым // Северный вестник. — 1887. — № 2. — С. 38–59.
12. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). — Волгоград: Учитель, 2004. — 198 с.
13. Перцов Н. В., Пильщиков И. А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. — 2011. — № 5. — С. 3–30.
14. Пильщиков И. А. Порядок полемики (О фантоме «новой текстологической программы») // Вопросы литературы. — 2004. — № 5. — С. 324–341.
15. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Выпуск 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы»: монография / В. Н. Захаров, М. В. Заваркина, Т. А. Радченко, А. И. Солопова, Н. А. Тарасова; отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — 198 с.
16. Рейсер С. А. Основы текстологии. — Изд. 2-е. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.
17. Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина» // Литературное наследство. — М.: Журнально-газетное объединение, 1934. — Т. 16–18. — С. 379–420.
18. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. — Изд. 2-е. — М.: Искусство, 1959. — 278 с.
19. Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. — М.: Языки русской культуры, 2000. — Кн. 1. — VIII, 536 с. (Philologica russica et speculativa; т. I)
20. Шапир М. И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — [Вып.] IX. — С. 45–58.
21. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 398 с.
22. Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — 38 с.
23. Южанникова М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2015. — 208 с.

Дата поступления в редакцию: 10.05.2018

Konstantin A. Barsht

*Doctor of Philology, Professor,
Leading Researcher of the Institute of
Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Russian Federation, St. Petersburg)*
konstantin_barsht@pushdom.ru

**“ABOMINABLY I DON’T WANT TO MIMIC PEOPLE”.
ABOUT ONE AMBIGUOUS PHRASE
FROM PREPARATORY MATERIALS TO THE NOVEL BY
F. M. DOSTOEVSKY “CRIME AND PUNISHMENT”**

Abstract. The article analyzes the phrase from the preparatory materials to F. M. Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” published in the seventh volume of his Complete Works in 30 volumes, uttered by the main character of the novel Rodyon Raskolnikov: “Abominably I don’t want to mimic people”. To prove the thesis that reproduced as it is the phrase ideologically contradicts all other Dostoevsky’s texts, including the final version of the novel, we rely on a number of theories that consider text ambiguity in linguistic and literary aspects. We demonstrate that the draft phrase is of a different textual nature than the printed text of the novel. It could have contained omitted punctuation marks, letters or words; these possible omissions are not misspellings but constitute a natural element of the autocommunication format chosen by the writer, that is a fast recording of artistic ideas in a reduced mnemonic form. We arrive at the conclusion that this phrase is wrongly presented in the above mentioned edition and assert that it should be read either as: “It is abominable / I don’t want to mimic people” or “It is abominable to mimic people, I don’t want this”. Hence the mark “/” designating the place where there should be a comma, a full-stop or a semicolon in the printed edition.

Keywords: F. M. Dostoevsky, preparatory materials to “Crime and Punishment”, ambiguity, textual properties of a draft note, mnemonic record, autocommunication

REFERENCES

1. Abakumov S. I. *Metodika punktuatsii [Punctuation Techniques]*. Moscow, UCHPEDGIZ Publ., 1954. 120 p. (In Russ.)
2. Akhmanova O. S. *Slovar’ lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]*. Moscow, Editorial URSS, 2004. 576 p. (In Russ.)
3. Barsht K. A. *Risunki i kalligrafiya F. M. Dostoevskogo. Ot izobrazheniya k slovu [Drawings and Calligraphic Writing of F. M. Dostoevsky. From the Image to the Word]*. Bergamo, Lemma-Press Publ., 2016. 452 p. (In Russ.)
4. Bondi S. M. *About Reading of Pushkin’s Manuscripts. In: Bondi S. M. Chernoviki Pushkina: Stat’i 1930–1970 godov [Pushkin’s Draft Copies: Articles, 1930–1970]*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1978, pp. 143–190. (In Russ.)
5. Valgina N. S. *Aktual’nyye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii [Current Problems of the Modern Russian Punctuation]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 259 p. (In Russ.)
6. Vatsuro V. E. *Once Again About the Academic Publication of Pushkin’s writings (Analysis of Critical Remarks of the Prof. Verner Lefeldt). In: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, 1999, no. 3 (37), pp. 253–266. (In Russ.)

7. Vygotskiy L. S. The Thought and the Word. In: *Vygotskiy L. S. Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [*The Collected Works: in 6 Vols*]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, vol. 2. 504 p. (In Russ.)
8. Zhenett Zh. *Figury: v 2 tomakh* [*Figures: in 2 Vols*]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ., 1998, vol. 1. 470 p. (In Russ.)
9. Kiklevich A. Parasemiya. In: *Russkaya rech'*, 2008, no. 1, pp. 43–45. (In Russ.)
10. Likhachev D. S. *Tekstologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vekov)* [*Textual Criticism (On Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries)*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 758 p. (In Russ.)
11. Lukanina A. N. My Acquaintance with Turgenev. In: *Severnnyy vestnik*, 1887, no. 2, pp. 38–59. (In Russ.)
12. Moskvina V. P. *Stilistika russkogo yazyka: Priyemy i sredstva vyrazitel'noy i obraznoy rechi (obshchaya klassifikatsiya)* [Stylistics of the Russian Language: Methods and Tools of an Expressive and Figurative Speech (General Classification)]. Volgograd, Uchitel' Publ., 2004. 198 p. (In Russ.)
13. Pertsov N. V., Pil'shchikov I. A. On the Linguistic Aspects of Textual Criticism. In: *Voprosy yazykoznaniiya*, 2011, no. 5, pp. 3–30. (In Russ.)
14. Pilshchikov I. A. The Method of Polemics (About the Phantom of “the New Textual Program”). In: *Voprosy literatury*, 2004, no. 5, pp. 324–341. (In Russ.)
15. Zakharov V. N., Zavarkina M. V., Radchenko T. A., Solopova A. I., Tarasova N. A. *Problemy tekstologii F. M. Dostoyevskogo. Vypusk 1: Problemy tekstologii romanov «Prestupleniye i Nakazaniye», «Idiot», «Besy»: monografiya* [*The Problems of Textual Criticism by F. M. Dostoevsky. Issue 1: The Problems of Textual Criticism of the Novels “Crime and Punishment”, “Idiot”, “Demons”: Monograph*]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2009. 198 p. (In Russ.)
16. Reyser S. A. *Osnovy tekstologii* [*The Fundamentals of Textual Criticism*]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
17. Tomashevskiy B. V. Chapter 10th of “Eugene Onegin”. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1934, pp. 379–420. (In Russ.)
18. Tomashevskiy B. V. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii [A Writer and a Book. A Sketch on Textual Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 278 p. (In Russ.)
19. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [*Universum versus: a Language — Verses — Sense in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, book 1. 536 p. (Philologica russica et speculativa; vol. 1). (In Russ.)
20. Shapir M. I. About the Spelling Mode in Academic Publications of Pushkin's Writings. In: *Moskovskiy Pushkinist*. Moscow, Naslediye Publ., 2001, issue 9, pp. 45–58. (In Russ.)
21. Shapiro A. B. *Osnovy russkoy punktuatsii* [*The Bases of Russian Punctuation*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 398 p. (In Russ.)
22. Shapiro A. B. *Uporyadochennoye russkoye pravopisaniye* [*The Well-Ordered Russian Spelling*]. Moscow, MSU Publ., 1956. 38 p. (In Russ.)
23. Yuzhannikova M. A. *Fenomen dvusmyslennosti kak osnovaniye stilisticheskikh priyemov v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [*An Ambiguity Phenomenon as the Basis of Stylistic Receptions in the Modern Russian Language. PhD. philol. sci. diss.*]. Krasnoyarsk, 2015. 208 p. (In Russ.)

Received: May 10, 2018